

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Е. В. Осипова. Социология Эмиля Дюркгейма. М., 1977, 279 с.

Рецензируемая книга — первая в советской литературе монография, всесторонне рассматривающая творчество и научное наследие основоположника французской социологической школы Эмиля Дюркгейма. Влияние этого ученого на формирование французской социологической и этнографической традиции столь велико, что сейчас трудно даже предположить, как бы развивалась она без него. Клод Леви-Стросс, один из ведущих современных французских этнографов, свою «Структурную антропологию», вышедшую в 1958 г., в 100-летний юбилей Дюркгейма, посвятил ему как основателю «влиятельной школы, от которой современная этнология получила часть своего вооружения»¹. Выделяя Дюркгейма вместе с Фрезером и Боасом как ученых, сформировавших социальную антропологию в современном виде, он сетует на то, что блестяще отмеченный во многих странах юбилей Дюркгейма, чье творчество «стало главным вкладом Франции в социальную антропологию»², прошел на его родине почти незамеченно. Номер «Annales de l'Université de Paris», посвященный этому событию, вышел лишь в 1960 г. Леви-Стросс напоминает, что при создании в Бразилии университета (1935 г.) местные ученые мотивировали свое решение пригласить для помощи французских коллег высоким авторитетом французской науки, называя при этом прежде всего имена Пастера и Дюркгейма³ как величайших ее представителей.

Социология Эмиля Дюркгейма была источником многих направлений в современных социологии и этнографии, таких, как естественнонаучная школа, структурный функционализм и многие специальные области социологического исследования (изучение социальных институтов, социального контроля, социального согласия, отклоняющегося поведения, религии, морали, знания) (с. 255). В качестве концепции, берущей свои истоки в творчестве Дюркгейма, можно назвать структурализм Леви-Стросса, о чем, к сожалению, не упоминается в рецензируемой книге. Следует сказать и о том, что, хотя сам Дюркгейм желал стоять вне идеологической борьбы, его ученики были членами социалистической партии еще до создания в 1920 г. ФКП, сотрудничали в «Юманите» (с. 44—46).

Причины популярности социологической концепции Дюркгейма Е. В. Осипова вслед за Р. Нисбетом видит в нацеленности ее на ключевые вопросы социологии как науки, изучающей общество в целом⁴. Основные темы творчества французского социолога (предмет и метод социологии, социальная структура, социальная психология, политическая социология, религия, мораль, отклоняющееся поведение, социальные изменения и др.) остаются в сфере внимания социологов и сегодня. Поэтому постановка этих вопросов и попытка их разрешения с позиции достаточно цельной, хотя во многом искусственной и неполной философско-социологической концепции (с. 256), представляет интерес не только в плане историографическом, но и для понимания современной буржуазной социологии. Как справедливо отметил С. А. Токарев, причины большей плодотворности направления, избранного Дюркгеймом, по сравнению с предыдущими (эволюционизмом и диффузионизмом) в том, что в центре внимания в данном случае оказалось человеческое общество как объект научного исследования⁵.

Е. В. Осипова указывает на частое сопоставление и противопоставление в научной литературе теорий Маркса и Дюркгейма. Такое сравнение имеет место и в данной работе, но здесь оно подчинено строгому разбору идеологических и классовых основ социологической доктрины. Концепция Дюркгейма показана в тесной связи с конкрет-

¹ C. Lévi-Strauss. *Anthropologie structurale*. Paris, 1958.

² C. Lévi-Strauss. *Anthropologie structurale*. La Habana, 1970, p. XXVIII.

³ Там же.

⁴ R. Nisbet. *The sociology of Emile Durkheim*. N. Y., 1974, p. VIII.

⁵ С. А. Токарев. *История зарубежной этнографии*. М., 1978, с. 206.

ной социально-экономической обстановкой во Франции после 1871 г. Французская буржуазия, которая после разгрома Парижской Коммуны боролась с клерикализмом и монархической реакцией, всеми силами стремилась установить в стране социальный мир и «всеобщее согласие» (с. 3). Классовая позиция Дюркгейма определяется в книге тремя основными принципами: антиклерикализмом, сциентизмом и солидаризмом. Последний трактуется Е. В. Осиповой как возникающая при государственно-монополистическом капитализме новая форма индивидуализма, субъектом которого является не индивид, а группа или группа групп. Сциентизм в данном случае выражался в стремлении приблизить социологию к решению практических задач общества. Дюркгейм хотел, пользуясь достижениями естественных наук, добиться глубокого и тщательного анализа социальных феноменов и, соединив теорию с практикой, сделать социологию наукой, с помощью которой можно будет управлять обществом.

Е. В. Осипова указывает на то обстоятельство, что сам Дюркгейм всячески старался поставить социологию вне идеологической борьбы, чтобы обеспечить ей объективный подход к изучаемым явлениям. Это породило целый ряд противоречий, на которые обращает внимание автор: само это стремление — быть вне идеологической борьбы — противоречит вполне классовой позиции Дюркгейма в науке; результаты, получаемые при применении выдвинутых им методологических принципов, приходят в противоречие с его же собственной теоретической концепцией.

Отношение Дюркгейма к марксизму в полной мере отражает внутреннюю противоречивость его научной позиции. Е. В. Осипова показывает, что многие идеи Дюркгейма противостоят идеализму, испытывая при этом его ограничивающее влияние. «Критика биологического и психологического редукционизма в буржуазной социологии, указание на необходимую связь социологии и философии, критика абстрактных умозрительных спекуляций и хаотического, не направляемого теорией нагромождения эмпирических фактов» (с. 256—257), понимание общества как целостной системы, свойство которой невозможно осмыслить только путем анализа психологических особенностей составляющих ее индивидов, разработка объективной методологии, системный подход, разграничение функционального и причинного анализа, рациональное использование статистических данных ставят, казалось бы, Дюркгейма на материалистические позиции, но идеалистическое понимание общества сводит на нет попытку теоретического осмысления этих проблем.

Общество для него прежде всего совокупность коллективных представлений. Именно коллективное сознание — высшая по отношению к индивидуальному форма — является, по Дюркгейму, связующей силой человеческих коллективов. Разделение труда, с его точки зрения, само собой производит «социальную солидарность» — состояние целостности, общественной гармонии, что дает, как указывает автор рецензируемой книги, возможность современным последователям социологической школы говорить о саморегуляции общественной системы, сохранении ее в состоянии «равновесия» и «интеграции».

Исследуя общественные явления с точки зрения их соответствия общественным потребностям, Дюркгейм приходит к выводу о полезности, т. е. о соответствии какой-то определенной потребности общества, всех общественных институтов. Он считает невозможным возникновение «бесполезных» явлений в общественной жизни, но, как отмечает Е. В. Осипова, сам себе противоречит, когда, разбирая вопрос о нормальном и патологическом, определяет как ненормальные все явления, нарушающие стабильность общества, его социальную солидарность. Автор книги находит истоки этих несоответствий в непонимании экономической сущности общественных формаций. Борьбу, шедшую в идеологии того времени, Дюркгейм воспринял как столкновение двух крайних, абсурдных точек зрения: индивидуалистическо-психологической, сводившей все общественные явления к психическим свойствам индивидов, и вульгарно-материалистической, механической, признававшей лишь производственную сторону человеческого общества. Отрицая обе эти крайности, он отверг и марксизм, совершенно не обратив внимания на ту роль, которая в этой теории отводится субъективному фактору и взаимодействию всех сторон общественной формации. Впрочем, такое отношение к марксизму не помешало ему высоко оценить «Капитал» Маркса.

Но непонимание основы развития человеческого общества — общественного производства, т. е. единства производительных сил и производственных отношений — привело Дюркгейма к непониманию исторического процесса. Он писал: «...в действительности прогресса человечества не существует; что существует, что единственно дано для наблюдения, — это отдельные общества, которые рождаются, развиваются, умирают независимо одни от других»⁶. Е. В. Осипова указывает, что такое отношение к роли исторического прогресса помешало Дюркгейму правильно понять изменения, происходящие в обществе. Усложнение структуры он воспринимал и трактовал как количественное накопление составляющих ее частей — сегментов. Самой простой формой общества он считал первобытную орду — односегментную по своему строению, которая, входя в состав более сложных образований, становится кланом (родом). Но конкретные попытки исследования общества опровергли такую умозрительную картину, и причина здесь крылась в методологических принципах, выдвинутых самим Дюркгеймом. Е. В. Осипова определяет их следующим образом: 1) единство природы и общества;

⁶ Э. Дюркгейм. О распределении общественного труда. Одесса, 1900, с. 26.

2) естественный характер природных и общественных закономерностей; 3) специфика общественного мира (отличие его от природного); 4) познаваемость природных и общественных феноменов; 5) целое больше частей и наделено особыми качествами; 6) детерминизм; 7) целостный подход к социальным феноменам.

Автор рецензируемой книги высоко оценивает столь серьезный научный подход к проблемам общественной жизни, солидаризуясь с мнением таких ученых, как Леви-Стросс, считающий Дюркгейма первым, кто внес в гуманитарные науки требование точности⁷, и Ж. Ле Бра (декан факультета права и экономических наук Парижского университета), отмечавший две главные положительные черты метода Дюркгейма: сравнительность (применение сравнения как метода исследования.— А. П.) и чередование анализа и синтеза⁸.

В книге Е. В. Осиповой справедливо подчеркивается неправомочность бытующего в западной историографии мнения, будто Дюркгейм явился основоположником научной социологии, ибо заслуга разработки целостной теории общественного развития — диалектико-материалистической — принадлежит К. Марксу и Ф. Энгельсу. Они же разработали принципы объективного конкретно-социального анализа общественных явлений. Марксизм под объективным подходом к вопросу о законах общественного развития подразумевает комплексный анализ, охватывающий явление в процессе его исторического развития и учитывающий все его внутренние и внешние связи, имея при этом в виду, что материально-производственные отношения являются основой всех прочих.

Е. В. Осипова считает, что объективизм Дюркгейма проявляется в утверждении о независимости истории от индивидуального сознания, индивидуальных представлений. Понимая объективность как независимое существование коллективного сознания по отношению к сознанию индивида, Дюркгейм, как и Маркс, признавал важнейшую роль социальных связей и социальных отношений в общественной жизни, специфику ее законов, но, как подчеркивается в рецензируемой книге, часто смешивал социальное с идеологическим и даже моральным, отождествляя социальную среду с моральной. Основой общественной жизни Дюркгейм полагал коллективное сознание, однако оно скорее постулировалось, чем объяснялось. Причину этого Е. В. Осипова усматривает в том, что происхождение и сущность коллективного сознания сводились в данном случае к процессу общения между индивидами в отрыве от их деятельности и исторического процесса.

Основополагающая роль экономического фактора отрицалась Дюркгеймом, он даже говорил об «асоциальности» экономической деятельности, непрочности контактов, возникающих в процессе ее. Критерий подлинной «социальности», «нормальности» явления общественной жизни он усматривал в том, способствует ли оно интеграции общества, его «социальной солидарности». В книге показано, что вследствие такого подхода общественные отношения представляли в интерпретации Дюркгейма в идеализированном виде — как отношения согласия, солидарности и гармонии. Все, что составляет основу жизни любого антагонистического общества, — социальные конфликты и противоречия — трактовалось им как ненормальное, патологическое, болезненное и вполне устранимое при сохранении основных общественных устоев. «В этой консервативной общественной установке был сконцентрирован основной социальный пафос всей его социологической концепции, глубоко враждебный революционному духу марксизма-ленинизма, самому существу его» (с. 264).

Глубокое противоречие социологической концепции Дюркгейма, заключающееся в соединении «натуралистической объективной методологии со спиритуалистической теорией коллективного сознания, отождествляемого с обществом» (с. 264), ярко проявилось во взглядах на мораль и религию. Е. В. Осипова считает, что заслуга Дюркгейма в том, что он сделал их предметом социологического анализа, подчеркнув тем самым их социальное происхождение. Он отвергал анимизм, выводящий религию из представления о душе, как индивидуалистическую концепцию, и не соглашался с натурализмом, утверждавшим происхождение религии из вынужденного поклонения природным силам. В книге указывается, что религия, по мнению Дюркгейма, — это система идей, представлений индивида об обществе и своих с ним связях: система символов, выражающая общественные силы, стоящие выше индивида, несущая глубокое социальное содержание, служащая цели передачи социального опыта.

Представление Дюркгейма о религии как о двух резко разграниченных сферах — светском и священном — отражает, по мнению Е. В. Осиповой, его положение о коренном различии индивидуального и коллективного сознания. Священное, считает он, обладает двумя свойствами: во-первых, запретностью, отделенностью от светского; во-вторых, оно — предмет поклонения, почитания. В книге подчеркивается, что именно такой двойственный характер священного — то, что оно является одновременно источником принуждения (запрета) и уважения (авторитета), указывает, по мнению Дюркгейма, на общественную его сущность. Светское, мирское, составленное отношениями индивидов с обыденными вещами, он характеризует как связанное с частными интересами и «эгоистичными страстями». В то же время круг священного не ограничен раз и навсегда, он включает все то, чему данный коллектив приписывает могущество и

⁷ C. Lévi-Strauss. *Antropologia estructural*, p. XXIX.

⁸ G. le Bras. *Emile Durkheim et la sociologie de religions*.— «Annales de l'Université de Paris», Paris, 1960, № 1, p. 45.

добродетель. Главная функция религии для него в усилении сплоченности общества, усилении социальной солидарности.

Существование религии, по Дюркгейму, неразрывно связано с коллективным сознанием, существованием общества. «Дообщественные» формы верований — магию и др. — он считал индивидуальными, не играющими роли в интеграции людей в коллективе. Полагая тотемизм наиболее примитивной общественной формой религии, он указывает на возможность обнаружить в ней «по крайней мере в зародыше» все существенные элементы религиозной жизни и мышления. При этом приоритет отдается именно первичным, «примитивным» формам религии, где эти элементы представлены в более простом виде, причем наиболее примитивным формам человеческого общества соответствуют наиболее примитивные формы религии. Такой взгляд на развитие религии Е. В. Осипова характеризует как «плоский эволюционизм» (с. 218), связывая данную концепцию Дюркгейма с его пониманием развития общества как простого накопления первичных элементов. Однако представляется, что вряд ли такую оценку, применимую ко взглядам Дюркгейма на развитие общества, можно автоматически перенести на его концепцию развития религии.

Отталкиваясь от вполне справедливого постулата, что религия — отражение социальной структуры общества, Дюркгейм приходит, как подчеркивает Е. В. Осипова, к неправильным выводам по той причине, что его понимание общества весьма идеалистично. Остро переживая общественный кризис и искренне считая единственным путем избавления от него укрепление социальной солидарности, он придавал большое значение религии как связующей силе, соединяющей людей совместным участием в ритуалах, общими авторитетами и нравственными нормами. Как подтверждение своей точки зрения Дюркгейм приводит результаты статистического анализа самоубийств, уровень которых ниже среди приверженцев тех религий, которые в наибольшей степени сплачивают своих верующих.

Е. В. Осипова обращает внимание на то, что попытка изучения вопроса о самоубийстве — одна из крупнейших заслуг Дюркгейма. Практически впервые в немарксистской научной литературе был произведен глубокий статистический анализ конкретного социального явления, выявивший четкую взаимосвязь уровня самоубийств и общественных отношений в данном коллективе. Дюркгейм решительно опровергал теории об индивидуально-психическом, генетическом или чисто географическом источнике причин самоубийств. Он утверждал, что единственный источник этого явления — социальный. Рост уровня самоубийств он считал социальной болезнью и, стремясь раскрыть ее причины, преследовал следующие цели: укрепить престиж социологии как науки, раскрыть действие тех сил, которые объединяют людей и, поняв истоки данной болезни, найти путь преодоления кризиса современного общества. Устанавливая на основе конкретного статистического материала ряд интересных взаимосвязей уровня самоубийств с отдельными социальными параметрами человеческого общества, Дюркгейм приходит к выводу, что истинными причинами их являются общественная дезинтеграция, ослабление социальных связей индивида с обществом, а следовательно, и с жизнью. Но, как справедливо замечает автор книги, полного ответа на вопрос о причинах данного социального явления Дюркгейм дать не мог, так как не связывал его с источником всех социальных феноменов, с производственными отношениями и производительными силами современного общества.

Книга Е. В. Осиповой дает глубокий системный анализ творчества Эмиля Дюркгейма. Главное достоинство работы — четкий диалектический подход к теме: на протяжении всей книги автор прослеживает двойственность, противоречивость позиции Дюркгейма, связь ее с конкретной исторической обстановкой того времени, отражение последней во всех аспектах его творчества. Одновременно автор сопоставляет социологизм с марксизмом, показывая на этих примерах невозможность их отождествления и идеалистичность теоретических принципов Дюркгейма, который выдвигал их тогда, когда уже существовала целостная научная теория общественного развития — диалектический материализм.

Книга определяет историческое место творчества Дюркгейма в процессе развития науки об обществе. Интересно и глубоко прослежено формирование научной позиции Дюркгейма, ее истоки. Автор характеризует обстановку в науке и обществе того времени, т. е. все, что в той или иной мере повлияло на формирование мировоззрения Дюркгейма. Читатель получает представление о научном пути, пройденном основателем социологической школы от первых опытов до создания «Социологических ежегодников», т. е. до формирования научной школы. Для читателя-этнографа весьма любопытен подробный анализ книги «Самоубийство», представляющей собой опыт работы с конкретным материалом общественной жизни. В меньшей степени можно проследить в книге отношение Дюркгейма к конкретным этнографическим проблемам и вопросам теоретической этнографии, которые занимают большое место в творчестве французского социолога и высоко оценены как советскими, так и зарубежными учеными⁹.

Касаясь связи социологизма с современными этнологическими направлениями, автор говорит о преимуществах структурного функционализма, но практически не упо-

⁹ См.: С. А. Токарев. Указ. паб., с. 206—228; С. Lévi-Strauss. Ce que l'ethnologie doit à Durkheim. — «Annales de l'Université de Paris», 1960, № 1, p. 47.

минает о французском структурализме, хотя можно назвать много черт, позволяющих усмотреть связь между творчеством Дюркгейма и Леви-Стросса. Так, например, представление о религии как системе символов, несущей социальную информацию, перекликается со взглядами Леви-Стросса на человеческое творчество (мифологию и др.) как на закодированное отображение социальной действительности. Повышенный интерес структурализма к примитивным обществам также говорит о сходстве с концепцией Дюркгейма. В обоих этих случаях интерес к таким обществам вызван их простотой, т. е. тем, что можно в упрощенном варианте разобрать основные закономерности всех последующих, более сложных обществ. Представление Дюркгейма об историческом процессе как о следующих одна за другой, но не связанных между собой общественных формациях отразилось в творчестве Леви-Стросса в виде мнения о невозможности совместить изучение конкретного общества с попытками проследить его историческое развитие.

Книга Е. В. Осиповой охватывает все творчество Эмиля Дюркгейма, содержит богатый материал, систематизированный и проанализированный с точки зрения марксистского понимания истории. Данная работа представляется особенно важной в том плане, что концепция Дюркгейма и сейчас остается теоретической базой большого количества социологических и этнографических концепций западных ученых. Принципиальная критика идеализма и противоречивости творчества Дюркгейма в совокупности с объективной оценкой прогрессивных сторон его методики и вклада в развитие науки составляет большое достоинство рецензируемой книги.

А. В. Полевой

Л. С. Клейн. Археологические источники. Л., 1978, 120 с.

Потребность в теоретическом осмыслении процедуры археологического исследования назрела давно, причем не только для самих археологов, но и для этнографов, сотрудничающих с ними при исследовании проблем первобытной истории. Бурное развитие современной археологии, стремительное накопление полевого материала, необычайное расширение археологической проблематики и сферы деятельности археологов, умножение количества и типов объектов, с которыми им приходится иметь дело, — все это поставило на повестку дня вопрос о специфике археологических реконструкций, о степени достоверности тех или иных исторических построений, предложенных археологами. Вопрос этот становится тем более острым, что в практике археологического исследования нередки случаи, когда один и тот же материал приводит специалистов к различным, порой диаметрально противоположным выводам. Одна из причин такого положения — недостаточная изученность специфики археологического объекта как источника, предмета археологии как науки. По сути дела в настоящий момент под угрозой оказывается само представление об археологии как о самостоятельной исторической дисциплине, собственными методами решающей проблемы истории. Вопрос о методе извлечения исторической информации из археологических источников запутывается все больше. Комплексный подход к историческим источникам, позволяющий в значительной мере обходить острый угол собственно археологических интерпретаций, зачастую оборачивается уходом археолога в смежные исторические дисциплины и не всегда способствует решению проблемы по существу. Роль археологии начинает иногда сводиться чуть ли не к добычанию материалов, исследуемых затем иными, не археологическими методами; с другой стороны, все еще сохраняется представление о том, что любой историк в состоянии обработать археологические данные, не вникая в специфику их интерпретации, а руководствуясь лишь собственным опытом и методами исследования. В силу всего сказанного книга Л. С. Клейна, являясь первой в нашей науке попыткой глубоко и всесторонне осмыслить понятие «археологический источник», стала событием важным не только для археологии.

Книга состоит из введения и четырех глав. Понятие «археологический источник» рассматривается автором как основное в археологии, «на котором держится вся система общих понятий данной науки» (с. 45).

Первая глава содержит анализ процесса становления понятия «археологический источник» и краткий, но чрезвычайно содержательный обзор истории формирования исторического источниковедения с его все более усложняющейся процедурой критики источников. Этот раздел важен для осознания методологической сложности интерпретации источников вообще и археологических источников в особенности. Автор призывает порвать с остатками восходящей к периоду становления советской археологии традиции, в силу которой «преобладало упрощенное понимание историзма археологии: она должна пользоваться методами и понятиями истории, которые разрабатываются историческим материализмом; других не требуется» (с. 19). Здесь же он справедливо указывает, что археологические источники по сути своей не более объективны, чем исторические. «Все произведения культуры имели своих создателей, обладавших какими-то пристрастиями; любые комплексы вещей — это тоже результат отбора, а если многие из этих вещей и комплексов предназначались не для воздействия на грядущие